

Наследия Катерины Кларк

Часть 1. *In Memoriam*: в память о коллеге и друге

Составители: Валерий Вьюгин, Джейсон Сиппли

Шейла Фицпатрик

Памяти друга:

КАТЕРИНА КЛАРК

(20 ИЮНЯ 1941 — 1 ФЕВРАЛЯ 2024)¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_7

Sheila Fitzpatrick

In Memory of a Friend: Katerina Clark (20 June 1941 — 1 February 2024)

Шейла Фицпатрик

Чикагский университет, Заслуженный профессор в отставке, D. Phil.(Oxon.); D. Litt. (Мельбурнский университет)
sheila.fitzpatrick@acu.edu.au

Sheila Fitzpatrick

University of Chicago, Distinguished Professor Emerita, D.Phil. (Oxon.); D. Litt. (University of Melbourne)
sheila.fitzpatrick@acu.edu.au

Катерина и я родились в июне 1941 года в Мельбурне, в роддомах, находившихся друг от друга на расстоянии всего нескольких миль. Наши родители, принадлежавшие к местной левой интеллигенции, дружили между собой, все они с отличием учились на гуманитарных кафедрах Мельбурнского университета, а отцы были историками Австралии. Так началось то, что я бы назвала «феноменом двойника», сохранявшимся на протяжении следующих восьмидесяти лет на пространстве трех континентов.

О нашем появлении на свет наши матери рассказывали одинаково — что их еще не выписали после родов, когда Германия напала на Советский Союз. Раньше я думала, что только слова Димфны, матери Катерины, следует воспринимать буквально: вторжение началось 22 июня, Катерина родилась 20-го, а я 4-го, значит, мне было уже больше двух недель — вряд ли после нормальных родов мою мать так долго бы не выписывали. Но в 1940-е годы все это, видимо, происходило более неспешно. Недавно в одном из писем матери, которые она

1 Перевод с англ. Татьяны Пирусской.

писала мне позднее, оглядываясь на свой брак с моим отцом в связи с годовщиной, я обнаружила частичное подтверждение этой истории или, по крайней мере, новые подробности. Мать вспоминала, как Брайан, мой отец, пришел навестить ее после родов, рассказал о немецком вторжении и заявил: «Теперь нас спасет Советский Союз!» Эта версия была для меня новой и несколько неожиданной. Мне всегда казалось, что эмоциональный подтекст у историй Димфны и Дофф (моей матери) мрачный: мир погружался во тьму, а у них как раз родились дети.

В такой версии есть некоторая предопределенность, будто обе девочки, родившиеся в июне 1941 года, неизбежно должны были стать специалистами по Советскому Союзу, я по истории, а Катерина по литературе. Может, так оно и было, хотя окончательный выбор мы обе сделали только в начале 1960-х годов, окончив Мельбурнский университет. В течение двадцати лет до тех пор виделись мы нечасто. Семья Кларк — в конечном счете с шестью детьми, среди которых Катерина была второй и притом единственной девочкой — в конце 1940-х переехала в Канберру, а моя семья (к которой в 1948 году прибавился мой брат Дэвид) осталась в Мельбурне. Где-то в начале 1950-х отец взял меня с собой в Канберру на конференцию, и мы жили у Кларков в их доме на Тасманском кольце, но Катерины почему-то дома не было, и мы с ней не встретились. Из этого приезда я живо помню чердачный кабинет Мэннинга, куда надо было забираться по выдвижной (если память мне не изменяет) лестнице, — его убежище от требований большой семьи. Катерина же, со слов Мэннинга, вспоминавшего о нашем визите, рассказывала, что мой отец хвастался моими успехами на скрипке, видел во мне юную интеллектуалку, а в комнате, где мы ночевали (то была спальня отсутствовавшей Катерины), спал на колченогой раскладушке, отдав мне кровать — Мэннингу все это казалось удивительным². «Тебе очень повезло, — часто повторяла впоследствии Катерина, — Брайан тобой так гордился». Она полагала, что именно в этом кроется причина моей большей интеллектуальной уверенности в себе. Обе мы, Катерина и я, учились в Мельбурнском университете на факультете гуманитарных наук, но с разницей в два года; мы жили в разных колледжах и специализировались в разных дисциплинах — она начала с философии и закончила русской литературой, а я начала с английской литературы и закончила историей и музыкой. В студенческие годы мы виделись нечасто.

Наши отцы, Мэннинг Кларк и Брайан Фицпатрик, оба были оригиналами, известными в узком кругу австралийской интеллигенции 1940-х годов³. Брайан, который был десятью годами старше Мэннинга, первым заявил о себе экономической трактовкой австралийской истории, направленной против Британского империализма и подчеркивающей передовую роль рабочего класса и Австралийской лейбористской партии в австралийской политике (что в целом убедительно, по крайней мере если не замечать того, что лейбористы активно поддерживали расистскую политику «белой Австралии»). Тем самым Брайан

2 Clark K. Sheila Fitzpatrick, Fellow Scholar, Fellow Aussie, Friend // *Writing the Stalin Era*. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography, ed. G. Alexopoulos, J. Hessler, K. Tomoff. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 230–231.

3 Об их сложных отношениях см.: *Macintyre S., Fitzpatrick S. (eds.) Against the Grain*. Brian Fitzpatrick and Manning Clark in Australian History and Politics. Melbourne: Melbourne University Press, 2007, P. 12–36.

резко порывал с характерными для 1940-х годов традиционными представлениями об австралийской истории, хотя, будучи бывшим журналистом, никогда не занимал академических должностей, да и вообще не имел постоянной работы после окончания войны (он был своего рода австралийским диссидентом, беспрестанно подкалывая правительство средствами собственной организации по борьбе за права человека, Австралийского совета по гражданским правам, где состоял генеральным секретарем без жалования). Мэннинг же в конце 1940-х годов получил академическую должность в Канберре, что обеспечило ему зарплату и жизнь более стабильную, нежели ту, какую знал мой отец. А заявил он о себе как ученый только в 1960-е годы, выступив с собственной новаторской трактовкой истории, явно оспаривающей теорию моего отца: по версии Мэннинга, австралийскую историю следовало рассматривать в категориях масштабного цивилизационного конфликта между протестантизмом выходцев из Англии (отец Мэннинга был англиканским священником) и католицизмом выходцев из Ирландии, а вовсе не таких грубых материй, как экономика или политика рабочего класса. Выразительный эпиграф первой публикации Мэннинга был взят — что весьма странно для сборника документальных материалов — из Достоевского: «Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего все так было»⁴ Из Достоевского получила свое имя и Катерина.

Наши отцы отбрасывают длинную тень на Катерину и меня (и матери тоже, но иначе — отцы как примеры для подражания, а матери как те, чье одобрение, часто сдержанное, мы старались заслужить). При этом нельзя сказать, что как ученые мы походили на своих отцов, разве что унаследовали от них предрасположенность к оспариванию привычных представлений. Катерина, в отличие от Мэннинга, никогда не имела склонности к грандиозным абстракциям и цветистым оборотам, да ей и не свойственно было брать на себя роль явного ниспровергателя основ. Будь она мужчиной, она бы не отращивала бороду и не становилась в позу библейского пророка, как Мэннинг в более поздние годы. Она предпочитала формулировать свои оригинальные мысли негромко, шаг за шагом. Помимо навыков литературного анализа, Катерина проявила себя в исследовании истории лучше, чем это удалось Мэннингу; по иронии судьбы, нам с Катериной суждено было стать «архивными крысами» (по выражению Сталина), кем Мэннинг не был никогда, а Брайан уже не был ко времени моего взросления.

В политическом отношении отцы и дочери тоже не походили друг на друга — точнее сказать, отцы были явно увлечены политикой, а дочери (хотя и лояльные по отношению к отцам и не присоединявшиеся к критике их, когда начинались неприятности из-за политических взглядов) — нет. Подход Брайана выглядел как марксистский, но он никогда не называл себя марксистом, и на полках у нас дома не стояли труды Маркса. Что у нас было, так это многотомное англоязычное издание сочинений Ленина, хранящееся у меня до сих пор. Насколько мне известно, отец так и не читал этих книг, но выбрал их, стремясь продемонстрировать намеренное неуважение к авторитетам, еще студентом Мельбурнского университета, когда получил награду за успехи в учении. Брайан обычно держался более левых взглядов, чем Мэннинг, но я уверена, что Мэннинг внимательнее читал Ленина, которым чрезвычайно восхищался. Не-

4 Macintyre S., Fitzpatrick S. (eds.) *Against the Grain*. Brian Fitzpatrick and Manning Clark in Australian History and Politics. Melbourne: Melbourne University Press, 2007.

сомненно, оба они разделяли просоветские настроения, характерные для левых в 1940-е годы, а в 1950-е, во время холодной войны, отца часто обвиняли в том, что он коммунист (коммунистом он не был, но отрицать это противоречило его либертарианским принципам)⁵. Однако в Советский Союз поехал как раз Мэннинг, в 1958 году вошедший в состав делегации, где состоял и известный австралийский писатель-коммунист (Джуда Уотен). По возвращении Мэннинг написал книгу «Встреча с советским человеком» (*Meeting Soviet Man*, 1960), которую обычно воспринимают как записки попутчика. В 1990-е годы этот эпизод повторился как фарс: правая австралийская пресса высказала нелепое предположение, что Мэннинг — советский агент, потому что он иногда носил на лацкане советский значок. Утверждалось, что этот значок — на самом деле обыкновенный сувенир, какие большинство иностранных туристов покупали в СССР, — Орден Ленина, врученный Мэннингу за тайные услуги Советскому Союзу⁶.

Отчасти именно левые взгляды наших родителей привели меня, а может, и Кэти, независимо друг от друга, к изучению России в университете. В середине 1950-х годов в Австралии разразился большой шпионский скандал, связанный с делом советского дипломата и перебежчика Владимира Петрова. В результате была сформирована Королевская комиссия по шпионажу, вызывавшая на допросы разных свидетелей, включая друзей Фицпатриков и Кларков: Нину Кристесен, русскую эмигрантку, заведовавшую русской кафедрой Мельбурнского университета, и ее мужа Клема Кристесена, редактора литературного журнала «Мианджин», для которого иногда писали Мэннинг и мой отец⁷. Никаких обвинений против них не выдвигали, но над Ниной Михайловой и ее кафедрой в университете нависла туча, и те из их друзей, у кого были дети студенческого возраста, побуждали их записываться на курс русского языка, «чтобы у Нины было больше студентов». Так поступили мои родители и еще несколько их знакомых, хотя за Мэннинга и Димфну я точно сказать не могу, ведь спросить Кэти позднее я не догадалась. Именно потому, что я стала учить русский язык, когда пришло время писать дипломную работу по истории на четвертом курсе, я решила попытаться найти этому языку применение и выбрала тему «Советская музыка при Сталине». Впоследствии, получив стипендию в Оксфорде, я указала в качестве интересующей меня области «советскую историю», так что волей-неволей встала на путь специалиста по истории СССР. Что касается Катерины, окончив Мельбурнский университет, она отправилась домой в Канберру, чтобы в Австралийском национальном университете писать магистерскую по советской литературе.

Только когда я села за это эссе, я поняла, что в тот момент нас обеих интересовала советская литературная политика, причем с точки зрения специальности нам следовало бы поменяться научными руководителями: Катерина, литературовед, работала в Австралийском национальном университете под руководством Гарри Ригби, специалиста по советской политике, а я, историк, писала диплом у Макса Хейворда, специалиста по советской литературе, в Кол-

5 О Фицпатрике и маккартизме в Австралии см.: *Watson D. Brian Fitzpatrick. A Radical Life*. Sydney: Hale & Iremonger, 1979. P. 225–251.

6 Об этом эпизоде см.: *McQueen H. Suspect History*. Kent Town, SA: Wakefield Press, 1997. См. также вдумчиво написанную биографию Кларка: *McKenna M. An Eye for Eternity: the Life of Manning Clark*. Carlton, VIC: Miegunyah Press, 2011.

7 О Кристесенах и деле Петрова см.: *Armstrong J. The Christesen Romance*. Melbourne: Melbourne University Press, 1996. P. 97–115.

ледже святого Антония в Оксфорде. Мы выбрали смежные темы, не советуясь, — по крайней мере, я такого не припомню. Наверное, наш выбор попросту отражал тогдашнее состояние советологии, в значительной мере сконцентрированной на советском «укрошении искусств»⁸ и непрестанной борьбе за моральное превосходство между старой русской интеллигенцией и советскими коммунистами в годы НЭПа. Это состояние отвечало как духу холодной войны, так и конкретно деятельности Конгресса за свободу культуры (финансируемого ЦРУ), игравшего ту же роль в мобилизации западного общественного мнения в поддержку советских диссидентов, что и организации вроде *Human Rights Watch* двадцать лет спустя. Надо сказать, что Катерина получила у Гарри Ригби куда лучшую и менее затронутую холодной войной подготовку, чем я в Оксфорде. Обе мы впоследствии отвергли парадигму холодной войны: я прямо спорила с ней, а Катерина ее просто не замечала и работала вне этой парадигмы.

В середине 1960-х «феномен двойника» проявился в полной мере и с тех пор никуда не исчезал. Катерина и я продолжали заниматься примерно одним и тем же, примерно в тех же местах, хотя по отдельности и несколько лет не общаясь друг с другом напрямую. Однако даже в эти годы из маминых писем, приходивших еженедельно, я всегда знала, где находится Катерина и что она делает, — думаю, и она знала обо мне. Перемещаясь по миру по схожим траекториям, мы часто приземлялись в тех же местах, но, как правило, не в одно и то же время. После Мельбурна это была Москва. Катерина поехала туда первой, в начале 1960-х годов, по обмену от Австралийского национального университета (от своей мамы я слышала, какой исхудавшей она вернулась), а я последовала за ней несколькими годами позже из Оксфорда, по программе аспирантского обмена с Великобританией. Катерина защитила диссертацию по советской литературе в США, а я свою работу по советской истории — в Британии. Но в начале 1970-х годов я переехала в Америку, и именно там мы обе сделали карьеру. (С этого момента я буду обращаться к Катерине как к Кэти, ведь именно так ее именовали в США и всюду, кроме Австралии, где семья по-прежнему звала ее Катериной, и России/СССР, где она была Катей.) Мы никогда подолгу не работали вместе в одном университете, но были точки пересечения. Кэти и ее муж Майкл Холквист преподавали на кафедре славистики в Техасском университете в Остине, когда в конце 1970-х меня пригласили туда на кафедру истории, — но затем, к моему величайшему сожалению, последовал один из многих эпизодов в моей жизни, когда я чуть не рассердилась на Кэти (хотя не по ее вине), поскольку ее и Холквиста пригласили в Индианский университет, и через несколько месяцев они уехали в Блумингтон, Индиану. Двадцать лет спустя, когда Кэти давно уже была профессором славистики и сравнительного литературоведения в Йельском университете*, мне предложили должность профессора истории там, хотя я в конечном счете это предложение отклонила.

Около 1970 года, в Лондоне Катерина и я встретились именно как зрелые советологи, а не как дети из друживших между собой семей. К тому времени у нас уже появились свои общие друзья из числа коллег, в частности Питер Реддуй, защитник и хроникер советских диссидентов, вместе с Катериной ездивший стажером по обмену в СССР в середине 1960-х и знакомый мне по Лон-

8 Так называются воспоминания, получившие широкую известность в период холодной войны: *Елагин Ю.Б. Укрощение искусств. М.: Русский путь, 2002.*

* Yale University (США) признан нежелательной организацией на территории РФ.

донской школе экономики и политических наук (LSE). Вместе с Майклом Холквистом Катерина приезжала в Лондон, когда их отношения еще только начинались; в моей памяти сохранился живой образ Майкла в Рассел-сквере в развевающемся плаще. Но по-настоящему мы подружились около 1973 года, когда я приехала в Нью-Йорк (через Техас), а Майкл и Кэти с тремя маленькими Холквистами жили в Мидлтауне, штат Коннектикут. Я приезжала к ним на выходные. В письмах маме 1970-х годов я часто рассказываю о Кэти: в октябре 1973 года я сообщала, что живу у нее в Мидлтауне, а она «очень загружена преподавательской работой и говорит, что у нее больше ни на что нет времени. Она и Майкл ходят в спортивных костюмах с надписью YALE». В апреле я писала, что она вышла замуж за Майкла и что Майкл думает принять приглашение Виргинского университета, «так что Кэти может остаться без работы и даже, по ее словам, вовсе отказаться от научной карьеры... Она расстроена».

В 1974 году на конференции в Чикаго, которую я организовала, Кэти выступила с докладом о советской культурной революции 20-х годов, а в июле 1975 года мы обе приехали на конференцию по сталинизму, организованную Робертом Такером в Белладжо (Италия)⁹. Если говорить о культурной революции, то Кэти не вполне соглашалась с тем, что я делала акцент на культурных потрясениях 1928–1931 годов, спровоцированных «Шахтинским делом» (1928), повлекшим за собой аресты и ярые стычки между «пролетариями» (коммунистами) и «буржуями» (старой интеллигенцией)¹⁰. Ее же «культурная революция» интересовала скорее в ленинском понимании, как проект народного просвещения под руководством партии, как этот термин в основном и понимали в советском дискурсе 1920-х годов, пока Сталин и молодые комсомольские и рапповские активисты его не присвоили. В 1986 году в докладе на конференции по НЭПу в Блумингтоне, где мы обе присутствовали, она высказала эти возражения — насколько я помню, это один из немногих случаев, когда мы едва не вступили в открытую научную полемику друг с другом, правда, спокойную и без раздражения¹¹. В мае 1975 года мы с Кэти вместе отправились на две недели в Советский Союз. Я забыла об этой поездке — в тот период я не могла участвовать ни в британском, ни в американском научном обмене, и мы, вероятно, поехали по туристическим визам, — пока не наткнулась на этот эпизод, перечитывая свои письма маме. Именно тогда я встретила подругу Кэти со времен МГУ, литературоведа и философа Светлану Григорьевну Семенову, и ее мужа, философа Георгия Дмитриевича Гачева, и, наверное, в свою очередь представила ее собственным близким друзьям — Игорю Александровичу Сацу и Ирине Анатольевне Луначарской. Было здорово поделиться друг с другом своей Москвой.

9 Clark K. Little Heroes and Big Deeds: Literature Responds to the First Five-Year Plan // Fitzpatrick S. (ed.) *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington, Ind: Indiana University Press, 1978.

10 См. мою статью: Fitzpatrick S. *Cultural Revolution as Class War* // Fitzpatrick S. (ed.) *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931*. Bloomington, Ind: Indiana University Press, 1978. P. 8–40.

11 Clark K. The «Quiet Revolution» in Soviet Intellectual Life // *Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture*, ed. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991. То же понимание культурной революции подразумевает подзаголовок ее книги: *Кларк К. Петербург, горнило культурной революции* / Пер. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Тогда, в начале 1970-х, положение у нас обеих было не вполне прочно: без постоянной преподавательской должности, а в моем случае даже без надежды на постоянный контракт (tenure) в Колумбийском университете, молодые незамужние женщины, не американки, без грин-карты, дающей иностранцам право жительства в США. Обе мы вышли замуж за американцев, Кэти первой и более удачно, что давало несколько больше гарантий. Моя жизнь в целом оказалась менее стабильной и более суматошной, чем у Кэти, и помню, как в этот период я, зная, что она была болтливой, пыталась избегать ее расспросов о моей личной жизни. До того, чтобы стать признанными учеными, нам обеим было еще далеко, хотя шли мы разными дорогами. Отчасти это объяснялось состоянием тех дисциплин, в которых каждая из нас работала, а отчасти несходством наших темпераментов. Кэти, в повседневной жизни куда более общительная, чем я, в профессиональной жизни отличалась удивительной скромностью. Когда она выступала на публике, ей, в отличие от большинства ученых, было не свойственно подавать себя как ученого с авторитетом. Она избегала научных конфликтов, даже когда ее идеи бросали вызов самым основам общепринятых представлений, и далеко не сразу опубликовала свою первую книгу. В академической карьере она часто получала должность «на правах жены», которой предлагают работу в том же университете, куда пригласили ее имеющего более высокий ранг или научные достижения мужа (Холквист был научным руководителем диссертации Кэти), а когда ее дети были маленькими, ее, как правило, брали на полставки, что, как я тщетно пыталась ей объяснить, означало только, что при полноценной преподавательской и организационной нагрузке она получала половину зарплаты и пользовалась меньшим уважением. Даже в 1990-е годы, когда репутация Кэти в Америке и за ее пределами уже не вызывала сомнений, бремя ярлыка «трудоустроенной благодаря мужу» все еще довлело над ней.

Если оглянуться на научную карьеру каждой из нас, обнаружится поразительное сходство. Обе мы предлагали новые подходы в своих областях — литературе и истории, и в обоих случаях новый подход требовал формирования своего рода новой дисциплины, в случае Кэти — истории советской (в противовес эмигрантской и диссидентской) литературы, в моем случае — советской социальной истории. Но если я со своим подходом прямо атаковала старую гвардию (и кое-кого из новой), что привело к ожесточенным, затяжным, чрезвычайно политизированным и получившим широкую огласку конфликтам, то Кэти делала свое дело тихо, избегая конфронтаций и полемики, но не уступая своих позиций. На критику она отвечала с внешней кротостью, поэтому легко было не заметить, что она вовсе не меняла свой подход, а наоборот, продолжала упорно ему следовать. Различия между нами наглядно отразились в докладах, прочитанных Кэти и мной на «ревизионистской»¹² конференции о сталинизме, организованной Такером в Белладжо в 1974 году. Кэти выступила с докладом, предвосхитившим ее новаторскую работу «Советский роман: история как ритуал» (*The Soviet Novel: History as Ritual*, 1981), но, вероятно, большинство присутствовавших политологов и историков не оценили его оригинальности¹³. Мой

12 В 1970-е годы «ревизионизмом» в американской советологии называли попытки опровергнуть господствующую тоталитарную модель.

13 Clark K. Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature // Tucker R.C. (ed.) Stalinism. Essays in Historical Interpretation. New York: Norton, 1977. P. 180–198.

доклад, где я тоже предлагала новый подход, Такер и его молодой коллега Стив Коэн сочли не тем ревизионизмом, что требовался, так что начались жаростные споры, и я в конечном счете отказалась от публикации в сборнике¹⁴. Эта разнища в том, как нас принимали — работу Кэти с самого начала игнорировали, тогда как моя вызывала бурные споры, — до некоторой степени сохранялась еще лет десять или чуть больше.

Разумеется, сопротивление, с которым мы сталкивались каждая в своей области, было разного рода. Моя «история снизу» расценивалась как вызов тоталитарной модели, а значит, и ключевому для советологии периода холодной войны тезису, что в Советском Союзе все диктовалось сверху. Поэтому мой подход вызывал сильные политические возражения¹⁵. Тем временем, молчаливый вызов Кэти, исследовавшей структурные принципы социалистического реализма, многим по началу казался обращенным больше к русским эмигрантам, которые тогда еще преобладали на славистических кафедрах американских университетов и полагали, что подлинная русская литература кончилась вместе с революцией, а все, что после — сплошная пропаганда, которую и читать-то не стоит, не то что анализировать. Конечно, и в этом была политика, но этот вопрос можно было рассматривать как узкоспециальный, а не в его действительном качестве, то есть как вопрос, имеющий значение для американской советологии в целом.

Мне всегда казалось удивительным, что в годы холодной войны у Кэти в США не возникло больших неприятностей на политической почве. В конце концов, она ведь утверждала, что советская литература заслуживает серьезного отношения, а это прямо перекликалось с моим положением, что у Советского Союза была социальная история, которую необходимо изучать. К тому же не забыли и о наших отцах с их политическими прегрешениями: казалось бы, из нас двоих Кэти была более уязвима, но доставалось в основном мне. Поскольку Мэннинг был известен в Австралии, фурор, произведенный «Встречей с советским человеком», а позже нелепые обвинения в шпионаже в пользу СССР до некоторой степени привлекли к нему международное внимание (Роберт Конквест, один из ведущих специалистов времен холодной войны, нападал на разглагольствования Мэннинга о «хриstopодобном, по крайней мере в своем сострадании» Ленине и даже упоминал иногда, что у этого поклонника Ленина есть дочь-советолог)¹⁶. Но все это как-то забылось, а вот Брайан — к тому времени уже много лет как покойный и не обладавший, в отличие от Мэннинга,

14 Текст доклада был опубликован в другом месте: *Fitzpatrick S. Culture and Politics under Stalin: a Reappraisal // Slavic Review. 1976. Vol. 35. № 2. P. 211–231*. При повторной публикации в составе книги я изменила название на *Cultural Orthodoxies*, см.: *Fitzpatrick S. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992*.

15 Об этих доводах с моей точки зрения см.: *Fitzpatrick S. Revisionism in Retrospect: A Personal View // Slavic Review. 2008. Vol. 67. № 3. P. 682–704*.

16 *Conquest R. Reflections on a Ravaged Century. New York: Norton, 2000. P. 129–130*. Конквест упомянул Мэннинга лишь как «вызывающего у многих восхищение (неоправданное) австралийского историка». Приведенная цитата взята из «Встречи с советским человеком», и, хоть она и вырвана из контекста (Мэннинг сравнивает Сталина с Лениным не в пользу первого, а также приплетает сюда Достоевского и дразнит своих советских хозяев), Конквест, разумеется, прав по поводу ее глупости. Несомненно, в личной беседе Кэти бы с ним согласилась, хотя я никогда не пыталась спрашивать ее об этом прямо, чтобы не ставить в неловкое положение.

международной известностью — превратился в камень у меня на шее, став персонажем злонамеренных «фейков», появившихся в 1970–1980-е годы в советологической среде и распространяемых по сей день (что он был коммунистом, что его воображаемые связи в Москве открыли мне доступ к советским архивам и т. д.). Я вынуждена предположить, что относительный иммунитет Кэти к подобным слухам обусловлен ее личными качествами как человека скромного, без претензий и неконфликтного, со множеством друзей и крайне немногочисленными недругами.

Но если бы Кэти была просто хорошим человеком, мы бы не писали о ней сегодня. К 1990-м годам ее обычная скромность и отсутствие притязаний уже не могли замаскировать, что она крупный ученый в области, в значительной мере созданной ее собственными усилиями, — изучении советской литературы. Ее «Советский роман» — переизданный в 1985 году, а затем, что крайне редко случается с книгами на основе диссертаций, выпущенный новым изданием в 2000-м — имел основополагающее значение, а за ним последовали другие значительные работы — написанная в соавторстве с Майклом Холквистом и очень авторитетная книга о Бахтине (1984), и ее собственные крупные монографии: «Петербург, горнило культурной революции» (*Petersburg. Crucible of Cultural Revolution*, 1995), «Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941)» (*Moscow the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*, 2011) и «Евразия без границ: мечта о левом литературном сообществе, 1919–1943» (*Eurasia without Borders: the Dream of a Leftist Literary Commons 1919–43*, 2021).

В 1990–2000-е годы «Советский роман» стал редким образцом междисциплинарной работы в области, десятилетиями лишенной настоящей междисциплинарности: книга была адресована не только молодым литературоведам, но также историкам и антропологам, изучающим Советский Союз. Могу засвидетельствовать лично: мои аспиранты-историки в Чикагском университете в 1990–2000-е годы, читали ее в обязательном порядке — не столько потому, что я советовала им прочесть эту книгу, сколько потому, что ее читали их сверстники. В истории нашего двойничества был неожиданный поворот, когда мои аспиранты вступили в бурные интеллектуальные баталии с конкурирующей группой аспирантов Колумбийского университета во главе с любимым пасынком Кэти Питером Холквистом, специализировавшихся на российской и советской истории. Чикагцы в целом больше занимались социальной историей, колумбийцы — культурной и интеллектуальной¹⁷, но все они читали «Советский роман» Кэти. Но не только молодое поколение осознавало качество ее работы и значимость ее фигуры. В 1999 году Кэти избрали президентом Американской ассоциации содействия славянским исследованиям.

К тому времени между Кэти и мной установилась тесная, квазиродственная дружба, поддерживаемая главным образом долгими ежемесячными раз-

17 В чикагскую группу, наиболее энергичными полемистами в которой были Мэтью Лено, Джеймс Р. Харрис и Марк Эделе, входили Голфо Алексопулос, Алан Баренберг, Стивен Битгнер, Джули Хесслер, Кристи Айронсайд, Эндрю Джанко, Брайан Лапьер, Миэ Накати и Оскар Сибони-Санчес. Колумбийская группа, представленная в первую очередь Питером Холквистом и Йохеном Хелльбеком, включала Фрэнсис Бернштейн, Фредерика Корни, Игала Халфина, Янни Коцониса и Амира Вейнера; к ней также примыкал Ян Плампер.

говорами по телефону и нечастыми наездами в гости. Когда я говорю «квази-родственная», я имею в виду, что Кэти стала для меня кем-то вроде родственницы (именно «вроде», так как у Кларков была большая семья, отчетливо сознававшая свое единство, поэтому у Кэти не было необходимости искать родных людей за ее пределами). Именно Кэти прилетела в Вашингтон поддержать меня, когда в 1999 году там умер мой муж Миша (физик Майкл Данос), и именно Кэти присутствовала, вместе с моей падчерицей Йоханной Данос, в качестве поддерживающего члена семьи, когда в 2005 году меня принимали в Американскую академию искусств и наук. По словам одного нашего американского коллеги, заметившего, что мы с Кэти договариваем друг за друга фразы (так вежливо он описал нашу манеру перебивать друг друга), мы походили больше на сестер, чем на подруг.

В 65 лет мы начали вместе отмечать наши дни рождения (знаменательные даты) в разных частях мира, и так продолжалось, пока коронавирусный локдаун не помешал нам вместе отпраздновать 80-летний юбилей. Пожалуй, особенно запомнилось мне наше 65-летие, когда я, получив награду от Фонда Меллона, решила потратить деньги на празднество в честь нашей двойнической научной карьеры и в течение пяти дней провести в Мельбурне пять конференций. Первые две были посвящены советской истории, третья — советской литературе, четвертая — австралийским попутчикам, в 1930–1940-е годы побывавшим в Москве (слишком рано для поездок Мэннинга, но, разумеется, австралийская аудитория уловила тень Мэннинга в этой теме), а последняя, где мы обе выступили с докладами, — нашим историкам-отцам, Брайану Фицпатрику и Мэннингу Кларку¹⁸. Это мероприятие как раз совпало с посвященной Брайану в Мельбурне мемориальной конференцией, организованной к столетию со дня его рождения, но мы соблюли баланс между отцами, заняв другие вечера фрагментами из мюзикла «История Австралии Мэннинга Кларка» (*Manning Clark's History of Australia: the Musical*), впервые поставленного в 1988 году (либретто написано в соавторстве с Доном Уотсоном, автором биографии Брайана). Нашу версию 2006 года (название которой мы сократили до «Мэннинг: мюзикл» (*Manning: the Musical*)) поставил мой двоюродный брат Питер Фицпатрик и его певческая труппа из Университета Монаша. Наверное, это событие не типично для истории научных конференций, но мы, как полагається, издали два сборника, для одного из которых Кэти написала статью о Мэннинге и Советском Союзе¹⁹. Это чуть ли не единственный раз, когда она обратилась к данной теме в печати, утверждая, несомненно правильно, что Достоевский значил для Мэннинга больше, чем Ленин.

Всю свою жизнь в Америке Кэти, в отличие от меня, тосковала по Австралии. По иронии судьбы, вернулась туда как раз я — в 2012 году. Мы по-прежнему созванивались где-то раз в месяц. Звонила почти всегда Кэти, и по телефону мы обсуждали профессиональные и семейные новости (Кэти знала по именам всех мои родных, друзей и даже музыкальных партнеров по струнным

-
- 18 Macintyre S., Fitzpatrick S. (eds.) *Against the Grain*. Еще один сборник по итогам конференции: Fitzpatrick S., Rasmussen C. (eds.) *Political Tourists. Travellers from Australia to the Soviet Union in the 1920s–1940s*. Melbourne: Melbourne University press, 2008.
- 19 Clark K. *Manning Clark and Russia: A Memoir* // Macintyre S., Fitzpatrick S. (eds.) *Against the Grain*. Brian Fitzpatrick and Manning Clark in Australian History and Politics. Melbourne: Melbourne University Press, 2007.

квартетам, знала, где они живут и чем занимаются, и расспрашивала меня о каждом, кого я забывала упомянуть) и говорили обо всем не касающемся научной жизни, что приходило нам на ум. Приезжая в Нью-Йорк, что теперь случалось раз в год, а не два или больше, на выходные я по-прежнему отправлялась в Нью-Хейвен, но кроме того, во время регулярных наездов Кэти в Австралию мы стали вместе ездить на моей машине из Сиднея в загородный Вапэнго, где находилась семейная дача Кларков, — к этому дому, обустроенному стараниями Димфны, Кэти была страстно привязана. Примерно тогда я в полной мере осознала уникальную роль Кэти в моей жизни и, вероятно, мою в ее: никто больше не знал всех аспектов — австралийских, американских, советских/российских — и не был рядом с самого начала.

В ноябре 2022 года я была в Нью-Йорке и собиралась на выходные в Нью-Хейвен к Кэти, как вдруг она написала имейл, что заболела и лежит в больнице, поэтому встречу придется отменить. Я испытала шок: мне Кэти казалась не просто все такой же физически крепкой, но несокрушимой — тем неизбежным в моей жизни, что будет всегда. В последующие годы мы перешли с ежемесячных телефонных разговоров на еженедельные созвоны по *Zoom*, но при условии (с ее стороны), что не будем включать видео. В последний раз я видела Кэти в Нью-Хейвене в ноябре 2023 года. Так как она настаивала, чтобы мы созванивались без видео, я думала, что найду ее сильно изменившейся, по крайней мере наружно, но она была такой же, как и всегда. Поскольку ее иммунная система была подавлена и ей, в общем-то, нельзя было ни с кем видаться, нам пришлось сидеть на разных концах длинного стола, в духе Путина, но потом мы отправились вместе на продолжительную прогулку, как делали раньше. Где-то посреди прогулки под идилически голубым небом нам навстречу с громкими дружескими приветствиями вылетели две высокие фигуры на велосипедах — это оказались знакомые и соседи Кэти по Хэмдену, причем одного из них — опять эти связи! — я немного знала по Техасу. Кэти радостно улыбнулась, и мы все улыбнулись в ответ — минута счастья.

Еженедельные созвоны с Кэти в последний год ее жизни стали для меня частью повседневности: теперь она была человеком, которому я каждую неделю рассказывала обо всех событиях своей жизни, будь то мелочи или что-то еще. Когда происходило что-то интересное, я думала: «Не забыть сказать Кэти». Она хотела знать все мои новости, помнила все имена, была в курсе всех обстоятельств и не нуждалась ни в каких пояснениях. Я всегда говорила ей больше, чем она мне, и думаю, так было со всеми ее друзьями: она умела уйти от вопросов о себе самой и разговаривать других. Для меня эти уютные привычные разговоры представляют собой воплощение настоящей дружбы. Сейчас, в отсутствие Кэти, я ощущаю пустоту.

Но я не хочу заканчивать на такой печальной ноте. Я хочу закончить воспоминанием о Кэти, воодушевленной новым интеллектуальным начинанием, даже когда она боролась со смертельной болезнью; о Кэти — бесстрашной путешественнице, в свои семьдесят ездившей на велосипеде по Пекину, самостоятельно отправившейся в Кыргызстан для работы над исследованием о Чингизе Айтматове и — а ей было уже восемьдесят или восемьдесят один — садившейся в шаткий местный автобус, который восемь часов шел в горы к месту, где родился Айтматов, чтобы ознакомиться там с архивами музея. Таким другом можно только гордиться.